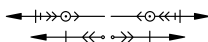

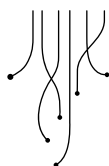

Ольга
Романовская

**МНЕ НУЖНО
ТВОЕ «ДА»**

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *И. Косулиной*

Романовская, Ольга.

Р69 Мне нужно твое «да» / Ольга Романовская. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-117455-2

Спасаясь от брака с соседским управляющим, Ефимия занимает место сестры на отборе невест императора. Но кто бы мог подумать, что во дворце девушка столкнется с Ленаром Горзеном! Он — первый министр, лучший друг императора. Она — дочь человека, семью которого Ленар некогда отправил в ссылку. Может ли их связать что-нибудь, кроме мести?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романовская О., текст, 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-117455-2

Глава 1

Топот ног сестры Ефимия услышала задолго до того, как Анна стремительно ворвалась в дом, едва не опрокинув ведро с водой. Старшая из девиц Брок с укором посмотрела на нее и, подоткнув юбку, продолжила мыть пол. Безусловно, это не дворянское занятие, а Броки как-никак бароны, но в некоторых случаях черную работу приходится делать самим. Особенно если отныне вы бедны, у служанки выходной, а ты принесла на ногах землю из сада. Не так уж это и сложно — наклониться и убрать за собой. После смазать кожу смесью меда и топленого курдючного жира. Тогда руки останутся гладкими, что бы там ни ворчала матушка.

Анна приплясывала на месте, явно пытаясь привлечь внимание сестры. Пришлось поднять голову.

— Ну?

— Я стану императрицей! — без предисловия выпалила девушка.

Ефимия опешила, даже тряпку отложила.

— С чего вдруг?

— Вот!

Анна с гордостью протянула конверт. Ефимии не доводилось видеть такие с двенадцати лет, когда они жили в столице и держали целый штат прислуги. Белоснежная плотная бумага, тисненый герб Рдожа. Внутри выведенное аккуратным писарским почерком

приглашение явиться на некий отбор и факсимиле Его Императорского Величества Вардена Имериза. Имя получателя не значилось, но по какой-то причине Анна решила, будто письмо адресовано ей.

— Ничего не понимаю!

Ефимия, качая головой, вернула конверт сестре.

— Ну ты темная! — закатила глаза Анна и закружилась по прихожей. — Неужели ты ничего не слышала об императорском отборе?

— Нет, — честно призналась девушка.

Как-то не до того было. То надо съездить к ростовщику, заложить очередные драгоценности, то договориться о починке забора. Это Анна порхает. Мать ее избаловала. Может, чувствовала вину за то, что лишила младшенькую беспечного детства? Она была совсем крохой, когда все случилось.

Анна тяжело вздохнула и, встав в позу, подсмотренную на представлении бродячего театра: чуть выставив вперед ногу и запрокинув голову — пояснила:

— Ну как же, Эффи, по указу императора сделали списки всех незамужних девиц и разослали приглашения. И вот двадцатого числа я должна явиться на заседание отборочной комиссии графства. Без обид, сестренка, но ты не подходишь. В приглашении четко сказано: до двадцати одного года. Там будет еще три сотни девиц, — беспечно добавила девушка, — но это сущие пустяки! Я выиграю.

Ефимия придирчиво осмотрела младшую сестру: вдруг действительно выиграет? Возраст подходящий — шестнадцать, кукольная внешность, которая так нравилась мужчинам: чуть тронутая румянцем кожа, шоколадные локоны, невинное личико, карминные губы. Если в комиссии собрались не старые хры-

чи и взяточники, оценят. Насчет себя Ефимия не расстраивалась. В императрицы она не метила, излишним тщеславием тоже не страдала.

— Что там у тебя, Анна?

Привлеченная голосами, в прихожую вышла Мелания Брок с пачкой бумаг в руках — до возвращения дочери она вместе с золовкой проверяла счета. Сестра мужа маячила у нее за спиной.

Анна с гордостью протянула матери приглашение.

— Неожиданно! — пробежав бумагу глазами, показала головой Мелания.

— Ты не рада? — состроила кислую мину девушка.

Ефимия только вздохнула. Совсем ребенок! Хотя такие уловки работали, вот и мать поспешила успокоить дочь, погладила по голове.

— Ну что ты, милая, конечно, я рада и не сомневаюсь, что святая Эрнестина, твоя небесная покровительница, направит руку выборщика к карточке с твоим именем. Я о другом. Странно, что император надумал жениться. Вдобавок не на очередной принцессе и через столько лет! Я полагала, он сохранит верность памяти невесты. Представляешь, — обернулась она к золовке, — нашу Анну вызвали на императорский свадебный отбор.

— Этого следовало ожидать! — фыркнула Анжела. Напрасно Анна ждала поздравлений, тетушка всегда была скупа на эмоции. — Стране нужны наследники. Выбирать среди своих разумно: избежишь ссоры с соседями. Всегда найдутся недовольные, начнут требовать, чтобы предпочтение отдали их кандидатуре. Так и до войны недалеко.

— Но ведь принцесса Марианна забрала сердце императора, — не унималась Мелания. — Помнишь, мы целый год носили траур.

— Ты слишком романтична! — покачала головой золовка. — Императору скоро сорок, тут не до любви, особенно к покойницам. Не бастарду же трон оставлять! Их у Вардена хватает, но толку? Не удивлюсь, если мать попросила императора взяться за ум. Ее величество Алисия крайне практичная, приземленная особа, она всегда мне нравилась. Помнится, когда я...

Анжела не договорила. Ефимия догадывалась: речь об одном из эпизодов далекого прошлого, когда тетка входила в свиту тогда еще не вдовой императрицы. Не повезло ей! Если бы Анжела успела выйти замуж, пила бы сейчас чай или кофе в одной из великосветских гостиных. Но ее покойный отец искал идеального зятя, не желал мириться с любыми недостатками. В итоге к Анжеле перестали свататься, и она превратилась в компаньонку супруги брата.

— Ты права. Сорок — опасный возраст, лучше встретить его женатым.

Золовка хмыкнула. Конечно она права! Собственно, как всегда. Без нее Мелания давно бы пошла по миру. Доверять любому встречному, не считать денег — долго бы она прожила при таком подходе на скромную ренту?

— Смотрите, я императрица!

Анна собрала волосы в импровизированную корону и закружилась по комнате. Даже Анжела растаяла, улыбнулась. Все принялись активно обсуждать предстоящий отбор, только Ефимия осталась в стороне. Откинув на спину косу цвета воронова крыла, она вернулась к прерванному занятию. Ей не терпелось закончить, чтобы открыть привезенный с воскресной ярмарки роман. Он продавался с хорошей

скидкой, только поэтому Ефимия позволила себе его купить.

— Эффи, съездишь с ней? Да брось ты эту тряпку! — в сердцах добавила Мелания. — Не уподобляйся крестьянкам, вернется Труди и все сделает. Хватит того, что мы вынуждены на зиму закатывать варенье!

Девушка горько усмехнулась. Мать светилась так, будто помолвка Анны и императора — дело решенное. Между тем ей только предстояло бороться за право попасть во дворец.

— Кстати, тот молодой человек до сих пор к тебе ходит? — деловито поинтересовалась Мелания.

— О ком ты?

Вроде за Ефимией не водилось поклонников. Во всяком случае, с серьезными намерениями.

— Управляющий графини Малжбетен. Понимаю, он неподходящая партия, но лучше так, чем старой девой.

«Молодой человек»! Да он старше императора, к тому же лысый. Но мать напомнила о неприглядной истине: Ефимии почти двадцать четыре. Еще пара лет — и даже ясные, яркие, как сапфиры, глаза не спасут. Девичий век короток, а мужчины крайне разборчивы.

— Бывает иногда, — пожала плечами девушка.

Возраст возрастом, но выходить за Льюиса Бара она не собиралась.

— То букетик, то корзину яблок принесет, — охотно продолжила за нее тетка. — Ты не дурочка, Эффи, сама понимаешь...

— Понимаю — что? — громче, чем следовало, огрызнулась Ефимия и в сердцах кинула тряпку на пол.

— Что мы не в том положении, чтобы разбрасываться женихами, — поддакнула золовке Мелания.

Какой же упрямой уродилась дочь! Баронесса пробовала сговорить ее за мелкого джентри и за младшего сына окружного судьи, но все без толку. Ефимия упорно твердила «нет». В итоге из потенциальных женихов остался только Льюис Бар. Пусть он из второго сословия, зато закончил частную школу в Хайте, главном городе графства, и целый курс проучился на факультете права. Состояние у Льюиса тоже имелось, не ахти, но они с Ефимией могли бы держать прислугу, раз или два в год ездить в театр и завести приличный выезд. Только старшая дочь во всем пошла в отца, даже ростом, слишком высоким для девушки. Какое счастье, что Анна другая! Однако Мелания надеялась, голос разума в Ефимии возобладает, и она не повторит ошибок отца.

— Я и не разбрасываюсь, просто ищущу равного.

— Милая, — попыталась урезонить ее мать, — ты больше не дочь победоносного генерала Брока, пора умерить притязания.

— Отчего же, мама, я все помню, — сухо отозвалась Ефимия и оправила юбку. — Но даже в нынешнем положении сохранила крупицу гордости. Хорошо, я съезжу с Анной в город, заодно зайду к модистке. Нижнее белье сестры никуда не годится, если вы прочтете ее в невесты императору, придется раскошелиться.

— А как же господин Бар? Ты так ему нравишься.

— Нет, и даже не проси.

Анжела положила руку на плечо невестки. Мол, успокойся, не трогай ее пока.

— Все образуется! — шепнула она Мелании и громко, вернувшись к первоначальной теме разговора, заметила: — Боюсь, одним бельем Анна не отделается,

потребуется платье, минимум два. Эффи, заложись мой гранатовый браслет.

Девушка кивнула. Все четверо понимали: украшение они больше не увидят.

— Возьми, что сочтешь нужным, из моего тайника, — добавила Мелания. — Не поспешишь, но и не переплати.

Анна унеслась наверх, в общую спальню сестер. Наверное, вертится сейчас перед зеркалом, играет в императрицу. Порой Ефимия ей завидовала. Вот бы стать такой же беспечной! Только она не могла. Двенадцать лет назад жизнь разделилась на до и после, ровно пополам. Ефимия даже не знала, где похоронили отца и братьев. Все же девушке повезло, что она была ребенком, иначе не отделалась бы домашним арестом.

Мелания и Анжела шептались в гостиной. Ефимия не придавала этому особого значения. Вылив воду, она занялась цветами — чтобы как-то оживить их скромное жилище, девушка составляла букеты и украшала ими комнаты.

— Эффи, — донесся до нее голос матери, — твое коричневое платье чистое?

Речь шла о муслиновом кофейном платье в мелкий белый горошек.

— Да, — задумавшись, отозвалась девушка, продолжая ловко орудовать ножом на кухне — нужно подрезать и подровнять стебли.

Она ожидала, мать еще что-нибудь скажет, но та промолчала. Наверное, они с тетей хотели, чтобы во время поездки в Хайт обе сестры выглядели презентабельно. Хорошо, Ефимия наденет коричневое платье, ей несложно, заодно представится случай достать из сундука перчатки. В последний раз девушка натягива-

ла их почти год назад, когда графиня любезно пригласила их на пикник.

Ну вот, букет для гостиной готов.

Ефимия с гордостью осмотрела свое творение. После того как они перебрались в графство Орой, она увлеклась цветами и, по словам многих, обустроила чуть ли не самый лучший в округе камерный садик. Ничего особенного — пара кустов роз, пионы, мечтательные ирисы у пруда, откуда они черпали воду, и местные многолетники. Подхватив букет, девушка направилась в гостиную, чтобы поставить цветы в вазу. Тетя и матушка все еще что-то воодушевленно обсуждали. Ефимия нахмурилась, замерла на пороге, услышав обрывок фразы Анжелы:

— ...после ужина оставим их наедине.

Кого они намерены пригласить, кого и с кем оставить?

Девушка стремительно вошла в комнату, заставив заговорщиц замолчать. Судя по тому, как они дружно отвели глаза, обсуждали Ефимию.

— Мы ждем гостей? — беззаботно поинтересовалась девушка и расправила тяжелые шапки пионов. Они идеально гармонировали с потускневшими золотистыми обоями. — Не думаю, что это хорошая идея. Труды вернется только к вечеру.

— Как раз управится, — возразила Анжела. Она решила взять судьбу племянницы в свои руки. — Ничего особенного, так, посиделки в кругу друзей.

Ефимия насторожилась и потребовала:

— А ну-ка назовите имя гостя!

— Фи, где твои манеры, Эффи! — скривилась тетка. — Надеюсь, завтра вечером ты будешь куда любезнее.

Выходит, не сегодня, а завтра. Явно пригласят очередного жениха, того самого управляющего. Но это уже слишком! Ефимия с громким стуком поставила вазу на столик и, подбоченившись, обернулась к Анжеле.

— Что вы пообещали господину Бару?

— Ничего, — вмешалась в разговор Мелания. Ее невинному взгляду позавидовал бы ребенок. — Мы просто подумали, вам нужно лучше узнать друг друга.

— Насколько лучше? — усмехнулась девушка и предупредила: — Если он сделает предложение, я отведу отказом.

— Глупая девчонка! — вспыхнула Анжела. От возмущения ее лицо пошло пятнами. — Ты собралась вечно камнем висеть у матери на шее? Хоть раз бы полюбопытствовалась, во сколько нам обходится дом, Труды, содержание вас с Анной!

— Перестань, Анжела! — попыталась урезонить ее невестка. — Девочки нам не в тягость.

— Сама перестань, Мелания! — отмахнулась золовка и, нервно заламывая руки, прошла по комнате. — Ефимии двадцать три, двадцать три, понимаешь! Анна юна и свежа, ее мы пристроим. Вдруг карта отбора сыграет? Словом, за нее я спокойна, под старость без дома и денег не останется, но Эффи... Ты желаешь ей участи старой девы, приживалки при той же графине Малжбетен? Сама знаешь, рента твоя, дочери не унаследуют ни медяка. Да уродись этот Льюис Бар хоть записным уродом, мы должны благодарить всех святых. И ты, Эффи, — стрельнула она глазами по племяннице. — Не воротить нос, а молчать и улыбаться. Я отнесу записку сама, скажу, ты лично просила господина Бара прийти.

Стукнула дверь — тетка отправилась выполнять угрозу.

Обессиленная Ефимия рухнула на диван и прижала ладони к вискам. Она не желала становиться госпожой Бар. Лучше пойти в гувернантки!

— Полно, милая! — Мелания присела рядом с дочерью, привлекла ее голову к груди. — Не так все плохо. Вовсе не обязательно любить мужа, главное, чтобы тебя любили, чтобы человек был хороший. Ты ведь знаешь, мы с отцом... Но разве кто-нибудь назвал бы нас плохой парой? Господин Бар надежный, без ума от тебя. Хорошенько подумай и соглашайся.

Ефимия резко выпрямилась. Глаза ее налились грозовой синевой, пальцы сжались.

— Можешь что угодно соврать господину Бару, но к ужину я завтра не выйду. Так и передай тетке!

Раскрасневшаяся девушка вылетела из гостиной прежде, чем мать успела ее остановить. Мелания сокрушенно вздохнула. Вот что прикажете с ней делать? Вся надежда на Льюиса. Если он правильно поведет себя с Эффи, склонит весы в свою пользу. Главное, заткнуть рот Анжеле. Будто она сама не видит, что, агрессивно подталкивая племянницу к замужеству, наоборот, его отдаляет.

Ефимия стремглав влетела в общую девичью спальню. К счастью, Анны здесь не оказалось, и девушка смогла дать выход своим чувствам. Она металась по комнате между кроватями, от покрытого вязаной салфеткой туалетного столика до шифоньера, потом взобралась на подоконник. Анна облюбовала его для чтения, натаскала подушек из гостиной. Ефимия же предпочитала праздно любоваться видом на графские яблоневые сады. Всегда, но не сегодня.

У нее всего сутки. Зная тетку, можно не сомневаться: она постарается, чтобы Льюис не уехал, пока не сделает предложения. Ефимия слишком хорошо понимала, чем обернется отказ. Обиженный управляющий настроит против них графиню, а та позаботится, чтобы перед семьей Броков закрылись двери немногих приличных домов в округе. И если бы только это! Матушке перестанут отпускать товары в долг, кредиторы накинутся, словно стая ворон, а Анна вылетит с отбора прежде, чем переступит порог зала заседания комиссии. Только вот согласиться Ефимия тоже не могла. Она с трудом выдерживала пару минут в обществе господина Бара, а тут всю жизнь... Девушка оказалась между двух огней. Что бы она ни выбрала — все плохо.

Взгляд случайно зацепился за приглашение. Ефимия отвернулась, но уже через минуту встала и взяла в руки конверт. Она тщательно, медленно несколько раз перечитала письмо. В голове вспыхнула спасительная идея. А что, если?.. Тетка сама говорила, у Анны с замужеством проблем не возникнет, так пусть спасет сестру от незавидной доли.

— А не попытать ли мне счастья? Прихвачу письмо и займу место Анны. Тут ведь даже фамилия не указана, а возраст... — Ефимия бегло оценила отражение в зеркале. — Не так уж старо я выгляжу, сойду за двадцатилетнюю. Мне ведь только от Льюиса и матримониальных планов тетушки сбежать, а отбор... Кто ж меня возьмет? Максимум первый тур пройду, пока родовую чуть глубже не копнут. А пока суд да дело, заведу знакомства с родовитыми девицами, найду место учительницы или гувернантки.

Воодушевленная девушка вытащила из-под кровати потрепанный чемодан, чтобы проверить зам-

ки. В последний раз их открывали во время вынужденного переезда на запад. А ведь император мог и на север, на рудники отправить — пожалел. Убедившись, что с чемоданом все в порядке, Ефимия с тоской осмотрела полки шифоньера. Из приличных платьев только одно, то самое, в горошек. Положим, она наденет его на заседание комиссии, но ведь и в остальные дни нужно в чем-то ходить, произвести благоприятное впечатление на потенциальных работодателей.

— Ничего, святой Верасий поможет, — понадеялась на помощь небесного покровителя девушка и захлопнула дверцы. — Да и чем скромнее, тем лучше. Гувернантке не положено притягивать взгляды.

Однако на всякий случай, вдруг авантюра удастся и Ефимия попадет в столицу, нужно прихватить кое-что из вещей тетки. Они примерно одного телосложения, да и Анжела всегда одевалась со вкусом, даже в ссылке. Шикарными ее платья не назовешь, но они хотя бы яркие, тогда как по настоянию матери Ефимия носила исключительно серое, голубое и коричневое.

А еще ей понадобится заглянуть в нижний ящик матушкиного комода. Там, на самом дне, в холщовом мешочке хранились семейные сбережения. Обкрадывать мать нехорошо, но Ефимия все вернет, да и возьмет немного, дюжину ассигнаций.

Заслышав шаги, девушка очнулась от грез и поспешила спрятать чемодан. Не хватало еще, чтобы Анна застала ее за сборами! Вопросов не оберешься. Лучше притвориться, что до сих пор дуется на тетку. Вот и она, легка на помине, спешит по тропинке к землям Малжбетенов. Анжела упряма, но Ефимия ни в чем ей не уступит.

Глава 2

Столовая небольшого двухэтажного коттеджа была настолько мала, что в нее едва удалось втиснуть длинный тисовый стол. Прежний, скромный, всего на четыре персоны, Меланию не устраивал. «Как можно обедать за таким убожеством? — сразу после переезда в деревню Мелрой заявила она. — Может, я отныне бедна, но не собираюсь тереться локтями о бока дочерей». Буквально через неделю в коттедж привезли новый стол, и с тех пор семейство Брок трапезничало с достоинством, полагавшимся всем дворянам. Подумаешь, приходилось тискаться вдоль буфета и втягивать животы, чтобы отодвинуть стул, зато не стыдно принять гостей. Правда, они опальных аристократов не жаловали, даже графиня Малжбетен предпочитала звать Меланию, Анжелу и Ефимию к себе, в одну из роскошных гостиных, каждую из которых без потери комфорта можно было превратить в две полноценные комнаты. Разумеется, тактичная графиня никогда бы не призналась, что избегала тесноты коттеджа. Она всегда находила предлог, чтобы перенести чаепитие в свое имение. Зато сегодня тисовый стол пригодился: Броки принимали Льюиса Бара.

Над расписанной аляповатыми цветами фаянсовой супницей поднимался пар.

Замученная придирами хозяйки Труды в накрахмаленном чепце разливала кушанье. Все по-столичному, тарелка на тарелке, чтобы не запачкать скатерть. Рядом полный набор приборов, даже вилка для рыбы — на второе запекли радужную форель. Довершали картину искусно сложенные Анной салфетки и цветы в вазе. Последние принес Льюис вместе с коробкой конфет.

Перевязанная алой лентой, она поблескивала на буфете. Ассорти с помадной начинкой. Куплены, несомненно, в Хайте, в их глуши такого не найдешь. В Мелрое продавали только булочки с заварным кремом и усыпанные сахаром рогалики. Однако виновница праздничного обеда щедрость управляющего не оценила. Ефимия с каменным лицом сидела напротив Льюиса и лениво помешивала ложкой наваристый суп. По настоянию матери она завила волосы. Прическа ей категорически не нравилась. Такая подошла бы Анне, какая из Ефимии романтичная барышня? Но Мелания была непреклонна: дочери нужно добавить женственности. По той же причине она велела ей говорить только о безобидных вещах, вроде моды и погоды. «Например, книгу с ним обсуди, — наставляла вдова Брок. — Спроси совета, какая лента лучше подойдет к шляпке». Определенно, мать спутала ее с Анной. Ефимия лучше станет молчать, чем болтать всякие глупости.

К сожалению, спастись от ненавистного ужина не удалось: проходящий дилижанс остановится в Мелрое около полуночи. По-другому в Хайт не добраться, разве только в собственном экипаже.

Ефимия испробовала все, чтобы не оказаться за одним столом с Льюисом. Сначала закатила скандал, потом сказала больно. Когда же поняла, что мать и тетка настроены серьезно, попросту сбежала. Может, ей и удалось бы отсидеться в старом яблоневом саду, если бы не Анна. Сестру послали на поиски, и она обнаружила ее тайное укрытие. И вот Ефимия глотала суп, не чувствуя вкуса, пытаясь придумать, как безболезненно выпутаться из сложившейся ситуации. Анна ее терзаний не понимала. Еще бы, мысленно сестра уже в столице, блистает на балах. К тому же она

всегда мечтала о замужестве: фате, красивом платье, свадебном торте — и не могла понять, почему Ефимия упорствовала. По мнению Анны, управляющий графини — отличная партия. Сама бы она за него не пошла: староват, но ведь и Ефимия в ее глазах чуть ли не столетняя старуха. Словом, на поддержку близких не приходилось рассчитывать.

Анжела с умным видом обсуждала с гостем виды на урожай. Ефимия догадывалась: тетка выбрала столь скучную тему только для того, чтобы Льюис блеснул красноречием. По той же причине ей вдруг понадобилось его мнение о недавней постановке, которую управляющему посчастливилось посетить. Прежде Анжела театром не интересовалась, считала его баблством.

— А вы любите театр, мистрис Брок?

Ефимия не сразу поняла, что вопрос предназначался ей. Ну да, теперь она «мистрис», а не «миледи». Мистрис Брок, потому что старшая из сестер. К младшей бы обращались «мистрис Анна». Но ведь их не лишили дворянства, Льюис мог бы в очередной раз не подчеркивать социальное падение семьи потенциальной невесты.

Девушка пожала плечами:

— Мне не доводилось там бывать.

Ни мать, ни тетя после не назовут ее букой, но и кокетства с потенциальным женихом не добьются.

— О, какое досадное упущение! — взмахнул руками Льюис. — Вам надо непременно увидеть настоящее представление, а не ту жалкую пародию, которую дают бродячие труппы.

По случаю ужина управляющий графини Малжбеттен принарядился. Ефимия могла поклясться, что он

забрал хрустящий сверток с новым костюмом только сегодня. На шейном платке сохранился неотрезанный ярлык. Он предательски мелькал из-под узла, когда Льюис двигался. Ефимии даже стало его жалко. Бедняга так старался, готовился! Но себя было жальче.

Ефимия честно пыталась. Закрывала глаза и представляла себя госпожой Бар в клетчатом платье и ночном капоре с оборками. Вот муж наклоняется и целует ее. Пусть все происходило только в ее воображении, всякий раз Ефимия в ужасе вздрагивала. Образ Льюиса в длинной ночной рубашке, его лысая макушка и несвежее дыхание вызывали отторжение. И не так уж он умен и образован, чтобы компенсировать остальные недостатки. О непомерном богатстве тоже речи не шло, — словом, девушка не находила ни единого аргумента в пользу замужества. Вовсе она не старая дева, чтобы поставить на себе крест и пойти за первого встречного.

— Осторожнее, Труды! — прикрикнула Мелания на прислугу.

Несчастливая женщина и так с трудом протискивалась между стенами и спинками стульев, не стоило волновать ее еще больше. Подумаешь, немного задела. Обычно леди Брок не была столь нервной, но сегодня особенный день, все должно быть идеально.

Ефимия не знала, как дотерпела до десерта — традиционного яблочного пирога. Без него не обходились ни в одном оройском доме. Каждая семья бережно передавала фамильный рецепт из поколения в поколение. Брокам достался рецепт Труды. Она добавляла к яблокам корицу и чуточку кардамона. Мелания не уставала повторять, как им повезло с прислужгой. Сегодняшний вечер это только подтвердил. Лю-

бая другая в сердцах бы скинула передник и заявила: «Справляйтесь сами!» — но Труды стойко терпела все замечания.

Однако на сладкое в семье Броков подали не только пирог. Крепившаяся весь вечер Анна не сдержалась и поделилась с гостем грандиозной новостью:

— Представляете, я стану невестой императора!

Льюис нахмурился, начал было:

— Боюсь, мистрис Анна, это невозможно...

На помощь пришла Анжела:

— Речь всего лишь о вызове в столицу графства.

Но мы все надеемся, племянница продвинется чуточку дальше.

Однако недостаточно далеко, чтобы попасть в число финалистов. Клеймо дочери предателя никуда не делось. Пусть со временем вину барона Брока немного смягчили, его родные все равно оставались дворянами второго сорта, не для дворца императора.

— Жду не дождусь, когда предстану перед отборочной комиссией! — вновь восторженно защелбетала Анна. — Господин Бар, вы, случайно, не знаете, кто туда входит?

— Боюсь, я недостаточно интересовался отбором, мистрис Анна.

— Жаль! — искренне расстроилась девушка. — Я надеялась, вы меня поддержите.

— Анна, — подмигнула Анжела, — тебе не кажется, что нужно помочь Труды? Одна она не принесет столько бокалов.

— Да вот же они! — не желая понимать намеков тетушки, Анна указала на буфет.

— Другие бокалы, Анна, — начинала сердиться Анжела. — Те самые.

Она выразительно посмотрела на Ефимию, и младшая племянница наконец поняла.

— Конечно, тетушка! — подскочила она и с шумом задвинула стул.

— А я заварю чаю, — вслед за ней поднялась Мелания. — Это чрезвычайно важный процесс, нельзя доверить его прислуге.

Ефимия не удивилась, наоборот, едва не рассмеялась, когда и у тетушки нашлось важное дело: достать из погреба бутылку лафита. Будто не могла все подготовить заранее! Желание оставить Ефимию наедине с Льюисом было столь очевидным, родственники могли бы действовать чуточку тоньше.

Девушка нервничала. Ей предстояло подобрать верные слова для отказа. Впрочем, вдруг управляющий графини ограничится простыми ухаживаниями? Увы, первые же его действия вдребезги разбили надежды. Откашлявшись, Льюис поднялся и положил салфетку рядом с тарелкой. Ефимия стиснула пальцы, словно окаменела.

— Милая леди Брок, — торжественно начал управляющий, употребив прежнее уважительное обращение, — возможно, я покажусь вам излишне дерзким, но сегодня я приехал в ваш дом с одной-единственной целью.

— Какой же?

В горле пересохло, и девушка залпом выпила стакан воды. Она злилась на Льюиса. Решить, будто она согласится! И ведь еще обидится, получив отказ. Будто в их случае можно рассчитывать на иной исход! Дело даже не во внешности или возрасте, Ефимия никогда не делала авансов, вела себя с поклонником подчеркнуто холодно и отстраненно.

— Прекрасная мистрис Ефимия, — девушка отшатнулась, когда он, умудрившись протиснуться между стулом тети и стеной, остановился рядом с ней, — пожалуйста мне надеяться... Словом, осчастливьте меня, мистрис Ефимия, станьте моей..

— Нет! — не позволила ему закончить Ефимия.

Щеки ее покраснелись.

— Вы даже не выслушаете? — насупился Льюис. — Ничего предосудительного. Я уже говорил с вашей матушкой, она дала согласие..

— Вот на ней и женитесь! — в сердцах выпалила Ефимия.

Словно слон в посудной лавке, девушка проложила себе кружной путь к выходу. Святые свидетели, она пыталась, но не соглашаться же на брак из вежливости!

— Ефимия, — полетел в спину встревоженный голос Мелании, — что случилось?

Обернувшись, девушка убедилась: и матушка, и тетка, и Анна караулили на пороге кухни, ждали конца объяснения.

Бежать, прямо сейчас бежать!

Стуча каблуками по скрипучим ступенькам, Ефимия гадала, сколько времени у нее в запасе. Сначала родные успокоят гостя, проводят его и только потом примутся за нее. Выходит, в запасе от пары минут до четверти часа — в зависимости от степени обиды Льюиса. Ничего, она успеет. Вещи собраны, осталось взять деньги и прихватить синее платье тетки. Ефимия не забрала его раньше, так как опасалась, что Анжела наденет его на вечер.

— Ефимия!

Теперь голос матери звучал тверже, суровее.

Девушка стиснула кулаки, но не остановилась. Сзади слышались торопливые шаги. Леди Брок нагнала дочь у двери спальни и ухватила за плечо, заставив обернуться. Прежде мать так грубо себя не вела, выходит, она в ярости. Так и есть. На щеках Мелании расцвели два пурпурных пятна, губы подрагивали.

— Упрямая девчонка! — Тетка бы одарила Ефимию звучной оплеухой, но леди Брок просто повысила голос. — Ты сейчас же спустишься и извинишься перед господином Баром.

— Даже не подумаю.

Девушка скинула руку со своего плеча.

— Глупая! — сокрушенно покачала головой Мелания. — Для твоего же блага! Уж не знаю, что ты там сказала, но Анжеле едва удалось все уладить, перехватить гостя буквально на пороге. Скажи: переволновалась.

— Вовсе нет. Я не собираюсь лгать.

— Милостивые святые, ну что мне с тобой делать? — всплеснула руками вдова Брок. — Пойми же, тебе нужно выйти замуж. Да, ты у меня красавица, при иных обстоятельствах разве я бы просватала тебя за управляющего? Но уж лучше он, чем приживалкой у той же сестры. Вдобавок господин Бар в фаворе у графини, ты ей тоже нравишься. Может, она тебя в завещании упомянет? У нее денег много, а из наследников — только непутевый сын-бретер.

— Матушка, я не выйду за господина Бара, — как можно спокойнее повторила Ефимия.

Когда же родные поймут эту простую вещь? Ни завещание графини Малжбетен, ни самое бедственное положение, ни общественное презрение к засидевшимся в невестах девушкам не заставят ее пойти за

господина Бара. Льюис ей совсем не подходит. Разве мать не видит, как он глуп, не замечает его манер, лысины и прочих физических недостатков? Если уж продавать себя, то за большую цену. Господин Бар заплатить ее явно не мог.

— Так он сделал предложение? — не унималась Мелания.

— Почти. Я не позволила ему договорить.

— Ох, дура, упрямая дура!

Леди Брок обхватила голову руками. Перед ее глазами пронеслась безрадостная картина будущего. Существовать только на скромную ренту, лишиться общества графини Малжбетен, привлекательных цен в лавках — и все по милости слишком гордой дочери!

— Хорошо, милая барышня, — чуть ли не впервые за всю жизнь Мелания решила проявить строгость, — тогда отправляйтесь к себе и хорошенько подумайте над своим поведением. Вы не выйдете из дома, пока не примете предложения Льюиса Бара.

— То есть никогда, — со смешком резюмировала Ефимия и скрылась за дверью.

Вот и решилась ее судьба. Матушка не оставила выбора. Убедившись, что она ушла, спеша вселить надежду в отверженного жениха, Ефимия вытащила чемодан и бесстрашно наведальась в комнату тетки, а затем в спальню матери. Помимо денег девушка прихватила бархатный мешочек со своими драгоценностями. Так, ничего особенного, никаких бриллиантов и вычурных ожерелий. Девочке-подростку полагались скромные и неброские камни вроде жемчуга и янтаря. В свое время Ефимии удалось их припрятать, забрать в ссылку. Девушка как раз заканчивала сборы, когда в комнату заглянула Анна. Спрятать чемодан Ефимия не

успела, сестра все видела, но не выдала, чем заслужила мысленную благодарность.

— Сбежать решила?

Ефимия кивнула и, не глядя, закинула в чемодан немногочисленную косметику.

— Тебя не отпустят, тетка в дверях стоит, — предупредила Анна и шепотом призналась: — Я боялась, после твоего отказа мать меня ему в жены предложит. И это накануне отбора! Ах, Эффи, я бы умерла, слово даю, в тот же миг умерла бы, если бы меня просватали за господина Бара! Он такой старый и совсем никто. То ли дело император! — мечтательно добавила она и плюхнулась на кровать. — Закрываю глаза и вижу: я во дворце, в красивом платье танцую с его величеством, а все смотрят, разинув рты.

Улыбка против воли тронула губы Ефимии. Ей будет не хватать Анны. Сестра столь мила и непосредственна, лучик солнца в серости будней. Но ничего, как только Ефимия устроится на новом месте, непременно навестит родных.

— А ты куда собралась?

Старшая сестра помедлила с ответом. Не признаваться же, что украла приглашение и собралась занять чужое место, особенно после фантазий Анны. Поэтому Ефимия ответила уклончиво:

— Попытаю счастья в городе.

— Правильно, — по-своему поняла ее сестра, — там женихи богаче, сто очков господину Бару дадут. Только ты, — Анна замешкалась и сглотнула, сдерживая накатившие вдруг слезы, — пиши, обязательно пиши, Эффи!

Она так на нее смотрела, что Ефимии пришлось кивнуть. Анна тут же успокоилась, повеселела. Вос-

пользовавшись переменной ее настроения, Ефимия попросила сестру сбегать вниз, разведать обстановку. Увы, та принесла неутешительные вести: проводив гостя, Анжела заперла входную дверь и унесла ключ. Сейчас они с Меланией пили на кухне ромашковый чай, приходили в себя после сорванного званого ужина. Придется бежать через окно. Ефимия прикинула расстояние до земли: можно рискнуть. Да и лучше сломать ногу, чем стать госпожой Бар. Мать с теткой не успокоятся, пока не добьются своего.

Сначала девушка спустила на самодельной веревке из простыней чемодан. Убедившись, что узлы крепкие, а ткань не порвалась, решила лезть сама.

— Пожелай мне удачи, Анет!

Ефимия чмокнула сестру в щеку и перекинула ногу через подоконник. С непривычки она спускалась медленно, пару раз едва не сорвалась, но в итоге благополучно коснулась земли. Оставалось только порадоваться, что окна кухни выходили на юг, иначе родные давно бы заметили беглянку.

Ладони горели, на них появились ссадины. Дурно! Нужно купить заживляющей мази, а то решат, будто она не дворянка, украла приглашение.

Ефимия знаком попросила сестру втянуть самодельную веревку. Убедившись, что Анна ее поняла, послала ей воздушный поцелуй и, подхватив чемодан, зашагала прочь. Ефимия спиной ощущала взгляд сестры, но ни разу не обернулась. Она надеялась успеть на почтовый дилижанс и злилась на господина Бара. Не пригласи его тетка на ужин, не сделай он предложение, Ефимия спокойно закончила бы сборы и не гадала, опоздает или нет. Вдобавок стемнело, тут бы идти медленно, осторожно, а ей практически прихо-

дилось бежать. Мелрой не конечная станция, в пути всякое случается, дилижанс мог как прийти раньше, так и задержаться.

Хвала небесам, Ефимия успела и ни разу не упала. И, спасибо святой Верасий, в дилижансе нашлось свободное место. Девушка отыскала кучера, протянула ему мятую ассигнацию и договорилась о багаже, после со спокойным сердцем забралась внутрь.

Лошадей поменяли, и дилижанс тронулся, унося беглянку прочь от мест, так и не сумевших стать ее домом.

Глава 3

Ефимия редко бывала в Хайте и теперь в растерянности замерла у почтовой станции. Как много людей после сонного Мелроя! Она слишком долго прожила в глуши и успела отвыкнуть от суеты. «Ну, чего встала? — мысленно встряхнула себя. — Станешь разевать рот, дальше кухни не попадешь. Или госпожой Бар стать хочешь? Так еще не поздно, можешь вернуться». Самобичевание помогло. Ефимия нацепила маску безразличия — она надежно избавляла от ненужных знакомств и глупых вопросов — и решительно зашагала к центру. Нужно отыскать Дом заседаний, где проходил отборочный тур, отметить и позаботиться о временном жилье.

Интересно, сколько дурочек слетелось на огонек, вообразив себя будущими императрицами? Наивная простота, за победу станет биться высшая аристократия. Они точно не опустятся до публичного смотра — развлечения для людей попроще. Ефимия дорого бы дала, чтобы познакомиться с кем-то из тех привиле-

гированных девушек. Собственно, за этим она и приехала в Хайт. Но ничего, главное — примелькаться, показать образованность и хорошие манеры, тогда удача сама тебя найдет. В этом Ефимия не сомневалась. Уж хотя бы скромные мечты святые способны исполнить!

Самое западное графство империи никогда не входило в число богатейших, однако и тут нашлось место роскоши. Хайт пленял взор декорированными глазурованной плиткой фасадами особняков местной знати. Большинство их владельцев жили тут всего несколько месяцев в году, а то и вовсе не появлялись десятилетиями, ведь из Ороя до столицы много недель пути. Но те, кто остался, по разным причинам не удержались при дворе, стремились перещеголять друг друга. К примеру, стараниями герцога Ордоза в свое время в Хайте возвели не уступавшее столичному здание театра, а принц Хенрик Птицелов в конце прошлого столетия основал университет. Тот самый, который не закончил Льюис Бар. Его высокие, имитировавшие замковые башни хорошо просматривались в просвете бульвара Гроз. С ними на равных соперничала ратуша, возведенная из красного кирпича. Туда Ефимия заглянула в первую очередь и в обмен на приглашение получила заветный адрес Дома заседаний.

Бедный служащий! Он наверняка проклял десятки девиц, толкавшихся и галдевших без умолку. Порой они не умели связать пары слов, однако тоже метили в императрицы.

— Как на ярмарке!

Ефимия с облегчением выбралась на площадь, мечтая лишь об одном — повалиться на постель. С непривычки болели руки. Ладони покраснели, чемодан то и дело чиркал по настилу тротуара. Вот она — бедность!

Что толку в вуалетке и нарядах, если некому донести вещи? Однако Ефимия не сдавалась. Она не для того сбежала из дома, чтобы расхныкаться при первых же трудностях.

В очередной раз оглядевшись, девушка заметила вывеску гостиницы. Она выглядела презентабельно, хозяин не поскупился подвесить у входа горшки с геранью, и Ефимия решилась. Лишь бы номер оказался по средствам, иначе... О всяких «иначе» дочь мятежного генерала предпочитала думать по мере их поступления.

Приободрившись, Ефимия одной рукой подхватила чемодан, другой — подол платья. До заветной цели оставалась всего пара шагов, когда справа послышался грозный окрик: «Берегись!» В следующий миг девушка ощутила сильный удар. Ее подбросило в воздух. Чемодан с глухим стуком отлетел на тротуар, завертелся волчком.

Застонав, Ефимия кое-как села посередине мостовой. Плечо ныло, на затылке стремительно наливалась шишка. Судя по тому, как болезненно пульсировала нога, она пострадала от удара. Вдобавок при падении у девушки задралась юбка, и теперь ротозеи пялились на ее штопанные чулки. Ефимия злобно зыркнула на них и поспешила одернуть подол.

Беда не приходит одна — еще и туфля куда-то подевалась. Складывалось впечатление, будто мироздание вступило в заговор с родней, подталкивая Ефимию к замужеству с управляющим графини Малжбетен.

Однако что произошло? Девушка в недоумении покосилась на лошадиные морды в каком-то метре от себя. Картинка медленно складывалась в мозгу. Кони, карета, встревоженные люди, окрик... Воистину, хоро-

шенькое начало — едва не угодить под экипаж! Последний, судя по позолоченной резьбе, принадлежал знатной особе. Все равно это не повод давить людей. Кучер гнал как сумасшедший, не притормозил перед поворотом, иначе Ефимия бы вовремя заметила опасность.

— Эй, чего разлеглась?

У него еще хватало наглости дерзить!

Девушка одарила кучера испепеляющим взглядом. Препираться со слугами — унинительно для дворянки.

— Похоже, это ваша.

Какой-то паренек протянул Ефимии слетевшую туфлю. Она поблагодарила его кивком головы и обулась. Затем попыталась встать, но потерпела фиаско.

Голова гудела как колокол: бом-бом-бом. Лодыжка опухла, платье в грязи. На глаза навернулись злые слезы. Ефимия вытерла их тыльной стороной ладони. Хватит слюни на кулак наматывать, отец не этому ее учил. Посидит немного и встанет. Не со второй попытки, так с десятой.

— Что случилось, Марк, почему мы остановились?

Из окошка кареты высунулась недовольная женщина.

— Да разиня под колеса бросилась, — почтительно приподняв шляпу, ответил кучер и поторопил Ефимию: — Вставай уже, не видишь, миледи торопится!

— Я не простолюдинка, чтобы мне «тыкать»! — по забыв о воспитании, огрызнулась девушка.

Если у нее нет собственного экипажа, это ничего не значит. Можно подумать, она или ее мать виноваты, что очутились здесь? Если на то пошло, спрос с Ленера Горзена. Не будь его, отец и братья остались бы живы и верно служили короне.

Кучер отпустил в адрес Ефимии крепкое словцо и, устав ждать, взмахнул кнутом. Неужели ударит? Ефимия в ужасе прикрыла глаза и заслонила лицо рукой. К счастью, он только пугал — бич просвистел над головой.

Самоуправство слуги не понравилось владелице кареты. Она потребовала немедленно прекратить истязание несчастной и участливо поинтересовалась:

— С вами все в порядке, милая?

Ефимия прислушалась к собственным ощущениям и покачала головой.

Народ вокруг все прибывал. Люди норовили пролезть ближе, узнать, что случилось. Столь пристальное внимание смущало не только Ефимию. Аристократка велела усадить пострадавшую в экипаж, пообещав отвезти к лекарю.

— Чемодан! — спохватилась Ефимия.

Промедли она хоть миг, осталась бы без нехитрых пожитков. А так чемодан подняли, наскоро запихнули внутрь выпавшие вещи — вот стыд, нижнее белье! — и убрали в багажный ящик.

Снова щелкнул бич. Всхрапнули кони, разгоня зевак. Карета дернулась и покатила по улице.

Ефимия осторожно, чтобы не потревожить уши-бленное плечо, откинулась на мягкое сиденье. Теперь она смогла лучше рассмотреть косвенную виновницу переполоха. Женщина оказалась ровесницей Мелании. Посеребренные легкой сединой волосы уложены волнами, открывая виски. Миниатюрная шляпка украшена бутафорскими фруктами. На ее фоне вуалетка Ефимии казалась едва ли не синонимом дурновкусия. Умеренно декольтированное по утреннему времени платье расшито серебряной нитью. Лицо приятное, с

мягкими чертами. Возле глаз и в уголках рта залегли морщинки.

Владелица кареты тоже искоса посматривала на Ефимию, гадая, как с ней поступить. Агнешка опаздывала, лучше высадить девушку на ближайшем перекрестке. Она бы так и поступила, если бы не кольцо Ефимии. Последняя не носила перчаток, поэтому оно сразу бросалось в глаза. Купить подобное мещанка не могла, только украсть, выходит, незнакомка не так проста.

Пожевав губы, Агнешка решила все прояснить:

— Простите, если покажусь вам бестактной, но кто вы?

Ефимия ожидала подобного вопроса. Короткая передышка помогла собраться с мыслями и заготовить ответ.

— Кто я такая? — повторила девушка. — Всего лишь одна из соискательниц руки его императорского величества. Я недавно приехала и направлялась в гостиницу, когда ваш кучер меня сбил. Право, не знаю, сойдут ли синяки до отборочного тура!

Ефимия рассчитывала сыграть на совести Агнешки и не прогадала. Та смущенно отвернулась, сцепив руки на коленях.

— Мне ужасно жаль! — вздохнула владелица экипажа. — Вы одна, без слут, на дороге...

— Не все дворянские семьи одинаково обеспечены, — гордо сверкнула глазами Ефимия, — однако все одинаково благородны. Слуга проводил меня до ратуши, а после в двуколке вернулся домой.

Ложь давалась легко. Может, потому, что Ефимия переплетала ее с правдой, на ходу сочиняя легенду для отбора. Она надеялась, добропорядочная аристо-

кратка оплатит врача и номер в гостинице, хотя бы на сутки, но та пошла гораздо дальше.

— Еще раз извините, я никоим образом не желала вас обидеть. Позвольте представиться: графиня Агнешка Лемар, леди Блеккуок. Не беспокойтесь, — широко улыбнувшись, женщина накрыла ладонью руку Ефимии, — вы попадете на отбор. Это самое малое, что я могу для вас сделать. Взамен, прошу, никому не рассказывайте о постигшей вас неприятности!

Девушка рассеянно кивнула, не в силах поверить в происходящее. Агнешка Блеккуок! Вряд ли это совпадение, вряд ли они однофамильцы. Граф Лемар, лорд Блеккуок — доверенное лицо императора в графстве Орой. Если все правда, Ефимия согласилась бы набить еще десяток шишек.

Предложение Агнешки ее более чем устраивало. Сообщать родным о постигшем ее несчастье она и так не планировала. Не в интересах Ефимии, чтобы разгневанная тетюшка примчалась за ней в Хайт. Вдобавок, только услышав фамилию Брок, Агнешка заберет обратно обещание провести пострадавшую по ее вине леди сквозь сито первоначального отбора.

— Сын все устроит, я тоже замолвлю за вас словечко. Вдобавок вы такая красавица, император непременно должен вас увидеть, — воодушевленно щебетала графиня.

Выходит, она мать того самого лорда Блеккуока. Тоже неплохо. Главное, не торопиться, прямо сейчас не просить рекомендательных писем. Графиня сама предложит.

Экипаж подкатил к украшенной имперскими флагами гостинице. Помпезное здание с вычурной лепниной и ажурными решетками балконов разительно

отличалось от скромного пансиона, в котором собиралась остановиться Ефимия. Поначалу девушка и во все приняла его за дворец, одну из многочисленных резиденций императора. К счастью, она оставила свои предположения при себе, а то бы угодила в неловкую ситуацию.

На отливавшей золотом табличке значилось: «Андреш».

— Возьмите мою накидку. — Агнешка пошарила по сиденью и протянула девушке голубой пыльник. — Вам лучше временно сохранить инкогнито.

Ефимия кивнула. Их желания полностью совпадали.

Обеим женщинам учтиво помогли выйти из кареты. Ефимия мысленно поблагодарила мироздание: сама бы она вывалилась как куль. Девушка знала, графиня наблюдает за ней, поэтому, как бы ни было больно, нужно постараться скрыть хромоту. Зато можно сколько угодно корчить гримасы — капюшон надежно спрятал лицо от зевак. Стиснув зубы, Ефимия обставила все так, будто неудачно встала на подножку и подвернула голеностоп. Вроде сыграла убедительно, Агнешка осталась довольна.

— Поживете пока в моем номере. Я найду сына и обо всем позабочусь, — наклонившись к самому ее уху, вкрадчиво шепнула графиня.

Невысказанный намек повис между слов. Ефимия поспешила успокоить благодетельницу взглядом: договоренность остается в силе.

Предупредительные служащие гостиницы старательно отработывали свой хлеб, распахивали перед ними двери прежде, чем Агнешка успевала к ним подойти. Они с интересом посматривали на Ефимию, но вопросов не задавали.

Семейство Блеккуок занимало весь этаж, лучшие смежные номера, временно превратившиеся в огромные апартаменты. Ефимию устроили на условной половине Агнешки и сразу послали за доктором. Тот успокоил пострадавшую, толком ничего не выписал, но запросил баснословную сумму за визит. Графиня, не торгуясь, отсчитала ассигнации и, выпроводив лекаря, взялась за гостью.

— Вас нужно переодеть. Нечего и думать, чтобы показаться сыну в подобном виде.

Ефимия сглотнула. Все так быстро, сразу... Сначала Агнешка, потом сам маршал — так официально называли доверенных лиц императора. В случае военных действий они занимались сбором и организацией войск вверенного им графства.

— Не переживайте, милая, — Агнешка уловила нервозность подопечной и постаралась ее успокоить, — Идрис прост в обращении. А вот переодеть вас категорически нужно. Сейчас посмотрим, что у вас есть.

Показалось или графиня не желала, чтобы сын узнал о дорожном происшествии? Слишком уж она суетилась.

Незамысловатый гардероб Ефимии подвергся безжалостной критике. Агнешке понравилось лишь «милое скромное домашнее платье», которое тетка надевала по праздникам. Даже белый горошек на коричневом фоне признали слишком вульгарным и провинциальным.

— Придется всерьез заняться вашими нарядами, — качая головой, тяжело вздохнула графиня. — Все это не годится. Для сельской ярмарки — да, но для дворца недопустимо!

— Но у меня больше ничего нет, — растерянно развела руками Ефимия.

Она боялась подумать, во сколько обойдется приличное, по мнению графини, платье. Прихваченных из дома денег хватит только на оборки.

Агнешка отмахнулась от ее слов как от безделицы:

— Право, нашли из-за чего тревожиться! Я ведь обещала обставить все в самом лучшем виде.

Благодетельница приодела Ефимию по собственному вкусу. Если бы не чернота волос и острота вызывающе голубых глаз, образ вышел бы чересчур приторным. Прежде Ефимия никогда не носила розового, но графиня заверяла, что будущая невеста императора должна походить на зефир. Сердобольная Агнешка одолжила ей свое платье, благо комплекцией походила на спасенную девушку. Из-за разницы в росте пришлось искусственно удлинить подол, но в целом вышло хорошо. Графиня дополнила получившийся образ жемчугами редкого оттенка. Ефимия недоумевала, зачем так стараться ради мимолетного знакомства. В ответ Агнешка закатила глаза:

— Сразу видно, что вы молоды и мало понимаете в жизни. Я мать, могу подтолкнуть в нужном направлении, но решать все равно Идрису. Он должен увидеть очаровательное создание, а не замухрышку. Не прячьте вашу красоту, позвольте ей расцвести!

Складывалось впечатление, будто графиня сватает Ефимию, а не записывает на отбор невест. Так и подмывало признаться, что в столицу ее никто не возьмет, даже если девушка наденет императорские фамильные драгоценности, но девушка благоразумно промолчала.

— Вы куда-то торопились, миледи, — запоздало вспомнила Ефимия, пристально рассматривая новое отражение.

Совсем другая, чужая. Девушка пока не решила, понравился ли ей новый образ. Из зеркала на нее смотрела дочь барона Брока, такая, какой бы она стала, если бы отец оказался менее легковверным. Ефимия смутно помнила, как в прежние, казавшиеся сном времена, служанки так же суетились вокруг нее.

— А, — отмахнулась Агнешка, скрыв за улыбкой досаду, — я все равно опоздала!

Когда карета сбила Ефимию, она торопилась на второй завтрак к градоначальнику, планировала переодеться после посещения воспитательного дома, но не судьба. Не могла же она бросить несчастную девушку посреди дороги! И не только по доброте душевной: Агнешка не желала, чтобы по городу поползли порочащие ее фамилию слухи. Стоило графине лучше разглядеть Ефимию, как она и вовсе возблагодарила небеса за редкую удачу. Завтрак у градоначальника по всем статьям проигрывал перспективам, которые открывала перед Агнешкой эффектная брюнетка. У нее имелись все шансы завоевать сердце императора. Тогда бы Лемары сменили графскую корону на герцогскую. Словом, Ефимия — ценное вложение. Агнешка уже послала пространное письмо с извинениями. Мол, у нее разболелась голова, здоровье уже не то. Нечего градоначальнику знать о Ефимии, для всех она попадет на конкурс на общих основаниях.

Посвящать девушку в свои амбициозные планы Агнешка пока не собиралась: рано. Да и Ефимия не дурочка, должна понимать, ничего на свете не делается бесплатно.

— Замечательно! — оценила графиня проделанную работу. — Теперь ваша внешность соответствует внутреннему содержанию. Вы отобедаете с нами.

Ефимия и бровью не повела. Зато стало понятно, зачем так усердно хлопотали над ее образом. Мимолетная встреча — это одно, а совместная трапеза — совсем другое. Ничего, у Ефимии найдутся темы для разговора с маршалом. Некоторые и вовсе настолько острые, что лучше припасти их до вечернего аперитива. Осталась сущая безделица: назвать себя. Ефимия представилась настоящим именем, а вот фамилию позаимствовала у прабабушки по материнской линии. Вряд ли кто-то изучал родословную Броков столь пристально, чтобы ее помнить. С протекцией графини и документов предъявлять не придется, поверят на слово.

Задумка удалась. Агнешка не пожелала признать, что семейство Феррир ей знакомо. Мало ли в графстве дворян, всех не упомнишь! Простых лордов — тем более.

* * *

Убедившись, что ее ставленница ни в чем не уступает фавориткам отбора, Агнешка поспешила на поиски сына. Нужно объяснить ему, зачем ей понадобилась девчонка, иначе Идрис подумает, будто мать приютила ее из-за красивой мордашки.

Агнешка ворвалась в кабинет сына во время беседы с управляющим и потребовала немедленно оставить их одних. На резонное замечание Идриса, что он еще не закончил, графиня сердито ответила:

— Поверь, мое дело гораздо важнее.

— Ну и?

Выпроводив управляющего, сын развернулся к ней.

— Проверь, не подслушивают ли, — не унималась Агнешка.

Пришлось Идрису встать и демонстративно распахнуть дверь, только тогда мать успокоилась и заговорила о Ефимии. Начала она издалека:

— Ты и дальше собираешься мотаться между столицей и Ороем, жить в гостиницах и смиренно ждать, пока император заметит твое усердие? Смотри, как бы не пришлось перебраться в Хайт насовсем!

— К чему ты клонишь? — нахмурился граф.

— К тому, что должность маршала — это пшик. Можно подняться гораздо выше, нужно лишь совершить маленький подлог.

Идрис взглядом дал понять: продолжай!

— Все дело в женщине, сын мой. Я нашла самое настоящее сокровище. Она невысоких кровей, зато неглупа и необыкновенно красива. Нужно показать ее императору, а уж дальше...

— А дальше лишь твои фантазии, — нахмурился Идрис.

— Размазня! — припечатала Агнешка. — Хоть раз пошевелись, прояви инициативу! Пойми, девчонка — самый настоящий клад! Она не кисейная барышня, не кукла, такая точно понравится Вардену. Поверь мне, он не забудет того, кто обеспечил его такой девушкой. Любовницей или женой, не суть важно, главное, что она точно окажется в его постели, а ты утрешь нос Ленару. Ну хотя бы взгляни на нее, перед тем как отказать!

— Хорошо, — нехотя согласился маршал, — посмотрю, что за сокровище ты откопала. Надеюсь, не мешчанку?

— Что ты! — всплеснула руками его мать. — Кандидатура просто идеальная — худородная дворянка, к тому же бедная. Такая по гроб жизни станет целовать руки, если продвинется к сиятельной спальне. Уж ты поспособствуй, Идрис, — сменив тон, проворковала Агнешка. — Сделай так, чтобы девушка без проверок попала в столицу. А дальше — моя забота. Я дам все необходимые инструкции, девочка все сделает.

— Вечно ты со своими интригами! — укоризненно вздохнул Идрис, но согласился познакомиться с Ефимией.

Девушка ему понравилась. Мать не обманула, ее протеже оказалась умна, образованна и очаровательна — в самый раз для конкурса, поэтому Идрис без лишних слов на следующий день внес Ефимию в списки тех, кому предстояло отправиться в столицу. Фамилия Феррир ему тоже ни о чем не говорила, зато маршал слишком хорошо понимал: хорошенькая девица способна исполнить давнюю мечту — добыть ему должность первого министра. А это намного слаще тех взяток, которые предлагали отцы местных красоток.

Глава 4

Подобравшись, Ефимия стояла перед Агнешкой Блеккуок. Сначала она полагала, речь пойдет о грядущем отборочном туре, графиня хочет ее приободрить или что-то вроде того, однако одного взгляда на благодетельницу хватило, чтобы понять: разговор предстоял серьезный.

Ефимия нервно поправила розовый атласный пояс. Накрахмаленный, хрустящий, он напомнил о потра-

ченных Агнешкой на наряды деньгах. Девушка мысленно прикинула их стоимость — много для обычной благодарности. Выходит, графине что-то нужно. Ефимия нахмурилась. Меньше всего на свете она хотела угодить из одной кабалы в другую.

— Садитесь! — сухо предложила благодетельница, указав на кресло перед вычурным, украшенным бронзовыми накладками столом.

Ефимия упрямо осталась стоять. Глаза ее потемнели, губы сжались в тонкую линию.

Агнешка удивленно подняла брови. Прежде спасенная красotka упрямотва не выказывала. А она с характером! Ведет себя словно императрица. «Ничего, — мысленно успокоила себя графиня, — согласится. Куда ей деваться?»

— Садитесь, — чуть мягче повторила она и аккуратно опустилась в соседнее кресло. Учитывая множество пышных юбок, это было непросто.

Помедлив, Ефимия последовала ее примеру и сразу предупредила:

— Если ваша милость намерена предложить мне что-то постыдное, я откажусь.

Агнешка широко распахнула глаза и в недоумении переспросила:

— Постыдное?

А девчонка не глупа, поняла — речь пойдет о плате за сказку.

— Что вы, милая, — графиня расплылась в приторной улыбке, — ничего такого. Я всего лишь хотела попросить об одной крошечной услуге. Вы ведь не станете отрицать, что с моей помощью преобразились, стали похожи на человека?

Оскорбление больно хлестнуло по щекам. Ефимии только что указали на место. Так и подмывало с высоко

поднятой головой сообщить свое истинное имя, перечислить заслуги отца, но здравый смысл взял верх над гордостью. Девушка стиснула кулаки и отвернулась. Ей нельзя ссориться с матерью маршала графства, никак нельзя. И очень нужно получить рекомендации, попасть на работу в хороший дом. Однако чего же хочет Агнешка? Перебирая в голове варианты, Ефимия не находила от себя особой пользы. Уж не видела ли благодетельница ее в роли любовницы сына? Слишком уж пристально граф рассматривал девушку, оценивал лицо, фигуру. Однако во время последующих ужинов — Ефимия неизменно сидела за одним столом с Блеккуоками — Идрис не проявлял к ней особого интереса, порой и вовсе не разговаривал. Зато графиня засыпала девушку вопросами. Ее интересовало все: от ее образования, до источника доходов родственников. Приходилось мешать правду с ложью и стараться не запутаться в получившемся клубке.

И вот теперь этот пренебрежительный тон в начале и намеки на благодарность потом. И без того нервная из-за предстоящей встречи с отборочной комиссией, Ефимия с трудом сохраняла спокойствие.

— Речь пойдет об императоре, — не стала томить Агнешка. Она пристально наблюдала за выражением лица собеседницы. — Вы ведь хотите стать его супругой?

Под острым как бритва взглядом графини, казалось, невозможно было солгать, но Ефимия смогла.

— Да, — кивнула она.

Агнешка откинулась на спинку кресла и забарабанила пальцами по столу. Этот звук, равно как прямой недоверчивый взгляд, раздражал. Почему графиня тянет, не перейдет к условиям сделки? Девушка уже по-

няла, ее предмет — попадание во дворец. Осталось выяснить цену. Теперь она уже не понимала, святые или бесы толкнули ее под копыта лошадей леди Блеккуок. И ведь Ефимия уже ей обязана, нельзя просто так встать и уйти. Кто заплатит за кров, еду, наряды? Матушкиных ассигнаций явно не хватит.

— В таком случае мы поладим, — казалось, через целую вечность улыбнулась Агнешка и наконец перестала буравить девушку взглядом. — Мне нужно немного — чтобы вы привлекли внимание его величества. О первичном отборе не беспокойтесь, сегодняшнее собеседование — формальность, ваше имя уже внесено в списки.

— Допустим, император выберет меня. Дальше что?

Ефимия положила ладони на подлокотники, готовая в любой момент подняться.

— Не многим идет злость, — неожиданно заметила графиня и посоветовала: — Но впредь старайтесь всегда улыбаться. Гордость, высокомерие — для аристократов, милая. Не в обиду, но девушке вашего происхождения они не по карману. А взамен я попрошу отплатить за проявленную доброту. Вы же не думали, — губы ее тронула едва заметная усмешка, — что очутились в сказке лишь потому, что поскользнулись на бульжной мостовой? Это прискорбно, привело бы к ненужным слухам, но не стоит потраченных на вас усилий.

— Так извольте выразиться конкретней, миледи! — не стерпела Ефимия.

Не по карману, значит? Бросая вызов могущественной собеседнице, девушка выпрямилась во весь рост, скрестила руки на груди. Она собиралась разразиться тирадой насчет равенства их сословного положения,

когда Агнешка произнесла то, что заставило опуститься обратно в кресло.

— Мне нужно сместить Ленара Горзена с поста первого министра. Уверена, любой другой человек принесет гораздо больше пользы империи, хотя бы мой сын.

Яркая вспышка. Боль. Снова боль. И страх.

Ленар Горзен, граф Митас. Она не слышала и не произносила этого имени целых двенадцать лет, но ничего не изменилось, казалось, Ефимия ненавидела его так же, как прежде.

Девушка шумно вздохнула. Пальцы скрючились, как ножки паука. Прикрыв глаза, она отогнала призраки прошлого, но те упорно шептали голосами убитых отца и братьев: «Наша кровь на его ладонях».

— Что с вами? — забеспокоилась графиня и потянулась за колокольчиком для вызова слуг. — Вам плохо?

Ефимия вдруг резко побледнела, начала часто дышать.

— Нет, спасибо, все в порядке, — словно во сне, пробормотала она. — Выпью воды — и пройдет.

— Вы больны? — настойчиво повторила Агнешка, опасаясь, что зря поставила на красотку.

Если врачи обнаружат в ней изъян, даже протекция маршала графства не поможет Ефимии попасть в столицу.

— Тут душно, — виновато улыбнулась девушка, усилием воли взяв себя в руки, — а ваша горничная слишком туго зашнуровала корсет. Благодарю, миледи, уже прошло.

Двенадцать лет назад... Врут, время не лечит, всего лишь покрывает раны тонкой корочкой. Агнеш-

ка безжалостно ее сорвала, заставив Ефимию заново пережить жуткую ночь ареста. Страшнее было лишь сообщение о смерти отца и братьев. Если бы не Ленар... Если бы не Ленар, Алан и Ролан точно остались бы живы. Отец — кто знает, но ему хотя бы должным образом вынесли приговор, а не без суда и следствия закололи в пропахшем сыростью подzemелье.

«Ненавижу!» — беззвучно прошептали губы.

— Я согласна, — деревянным голосом отчеканила Ефимия. — Обещаю сделать все, чтобы первый министр лишился поста.

«Это личное, миледи, — мысленно добавила девушка. — Мне плевать на вас и вашего сына, но граф Митас ответит за каждую слезинку Анны, за каждый седой волос матери, за каждую смерть».

Бледность ушла с ее лица, даже губы расслабились.

Агнешка тоже успокоилась. Она переживала насчет исхода разговора, приготовилась уламывать упрямую девушку, а та сразу же согласилась.

— Вот и славно! — просияла графиня и таки позвонила в колокольчик. — Пусть только утро, но нужно скрепить нашу сделку бокалом игристого. Никогда не забывайте, милая, кому вы обязаны своим возвышением.

— Не беспокойтесь, я не забуду, миледи, — с фальшивой улыбкой заверила Ефимия.

Мысли ее витали далеко от гостиницы. Отбор обрел новый смысл. Ефимия продвинется как можно дальше, в этом ее желания полностью совпадали с желаниями графини. Девушка надеялась, святой Верасий направит ее руку. Пока была лишь навязчивая идея отомстить, как именно, Ефимия не знала.

Слуга в белых перчатках при дамах откупорил игристое и разлил пьянящий напиток по высоким бокалам,

затем положил бутылку в ведро со льдом. Агнешка отпустила его кивком головы и провозгласила тост:

- За наш будущий успех!
- За успех, — эхом отозвалась Ефимия.

Игрисное щекотало горло.

В голове девушки царила полная сумятица. Чувства боролись с разумом и никак не могли прийти к согласию. Пришлось выпить еще бокал, чтобы хотя бы с помощью алкоголя обрести подобие спокойствия. Формальность формальностью, но перед комиссией Ефимия должна предстать максимально собранной.

Игрисное все еще плескалось в крови, когда экипаж леди Блеккуок остановился у заднего входа Дома заседаний. Кучер проворно соскочил с козел и помог ей спуститься. А ведь не так давно он замахивался на нее кнутом. Напомнить? Не стоит, слишком мелко.

Поправив зацепившуюся за вуалетку сережку, Ефимия последовала за муниципальным служащим внутрь здания. Ей даже не пришлось представляться, все и так знали: приехала ставленница маршала.

— Прошу, миледи!

Служащий с легким поклоном распахнул неприметную боковую дверь и остался стоять в полутемном коридоре.

Ефимия вошла в небольшую комнату, судя по звукам, смежную с главным залом. Там сейчас мучилась, ожидая своей участи, первая партия девушек. Неприятно кольнула совесть. Если бы Ефимия не забрала приглашение, среди них была бы Анна. «Она простит, — успокоила себя девушка. — Я ей напишу и все объясню». Стараясь не думать о расстроенной сестре, Ефимия обернулась к покрытому узорчатой скатертью столу. За ним сидели пятеро. Графа Лемара де-

вушка узнала сразу, но не подала виду, будто они знакомы: никто не должен заподозрить подвоха. Она почтительно поздоровалась со всеми и через секретаря передала свое приглашение.

Несмотря на то что отборочный тур только начался, члены комиссии успели устать. Один откровенно скучал, второй с тоской посматривал на собственную записную книжку. Остальные, к их чести, все же проявили к Ефимии вежливый интерес, задали пару стандартных вопросов. Девушка терпеливо ответила на все, слово в слово повторив сочиненную для графини легенду. Не успевшая до конца зажечь лодыжка ныла от долгого стояния, но Ефимия боялась попросить стул. Императорская невеста должна быть здорова.

— Итак, — взял слово маршал, — я полагаю, леди Феррир достойна войти в число претенденток от графства. Кто за?

Он поднял руку и требовательно обвел взглядом остальных членов комиссии. Одна за другой в воздух взмыли ладони — перечить графу никто не посмел.

У Ефимии отлегло от сердца. Она до последнего боялась, что все сорвется. Вдруг кто-то видел ее прежде или усомнится в существовании Ферриров? Но авторитет маршала сделал свое дело, никто не потребовал метрику или иных документов, подтверждающих личность претендентки.

— Готовыесь! — покровительственно улыбнулся граф. — У вас целая неделя до отъезда. Поздравляю!

Ефимия толком не запомнила, что ответила: в голове стоял туман. Наверное, произнесла дежурные слова благодарности. Дворян учат им с раннего детства, и в случае необходимости память сама, без участия разума, извлекает нужные слова.

Девушка покинула Дом заседаний тем же путем — через черный ход. Когда она садилась в карету, слух уловил знакомый голос. Тетка! Велев немного обождать, Ефимия обернулась на голос. Она не боялась быть узнанной: плотная вуаль скрывала лицо, а шикарное платье и карета с гербами никак не вязались с дочерью опального генерала.

Анжела стояла к ней спиной возле угла Дома заседаний и выговаривала Анне. Ее Ефимия не видела, только слышала всхлипы и робкие оправдания. Сердце сжималось, толкало открыться, успокоить сестру, но девушка мужественно терпела, лишь подошла чуточку ближе. Стоявшая в проулке карета надежно загораживала ее от цепкого взгляда тетки.

— Куда она могла податься, если не сюда? — не отставала от племянницы Анжела. — Ведь Эффи украла приглашение. Или ты его потеряла?

— Не зна-ю-у! — по-детски поддвывала Анна.

— Да что ты вообще знаешь?! — в сердцах прикрикнула тетка и протянула племяннице платок. — На, утрись! Нечего и думать показываться перед комиссией с таким лицом. Видела, какие тут красавицы?!

— Я не хуже, — обиделась младшая девица Брок.

Ефимия улыбнулась. Вот и слезы высохли. Все же тетя — умная женщина, нашла верный способ успокоить Анну.

— Посмотрим! — буркнула Анжела и неожиданно обернулась.

Ефимия вжалась в стенку экипажа. На мгновение ей показалось, что тетка догадалась, заметила. Сейчас подойдет и вцепится в руку! Но Анжела отвернулась, только ворчливо добавила:

— Сама понимаешь, куда нам до девиц под гербами!

Девушка с облегчением выдохнула и улыбнулась. Знала бы тетка, кого назвала девицей под гербом!

— Уж постарайся, — смягчившись, напутствовала Анжела племянницу. — Без приглашения сложно, но вдруг тебе улыбнется удача? Ты, главное, подольше копайся в сумочке, сделай вид, будто случайно обронила конверт, когда подкрашивала губы. И еще раз всех расспроси, не видели ли они Эффи. Тот служащий был чрезвычайно груб, не дал посмотреть списки. Ты лучше не фамилию ее назови, а внешность опиши. Эффи — девушка эффектная, ее бы запомнили. А я тут постою, покараулю. Некуда ей деваться, только на отбор.

Ефимия в который раз в молитве возблагодарила святого Верасия и забралась в экипаж. Какое счастье, что ее провели с черного хода! Члены комиссии с Анной откровенничать не станут. Войди она с парадного входа, точно бы угодила в цепкие руки тетки. Даже если бы они разминулись, швейцар за монетку или кто-нибудь из завистливых девиц забесплатно сдали бы родным, любезно подсказали, кто и откуда привез.

Кучер взмахнул кнутом. Лошади встрепенулись, и карета покатила прочь, оставив позади Дом заседаний и раздосадованную Анжелу Брок. Пусть они выехали с другой стороны проулка, Ефимия все равно на всякий случай забила в дальний угол, словно тетка могла неведомым образом разглядеть ее сквозь заднее окошко кареты.

«Удачи!» — послала девушка мысленное напутствие сестре. Она искренне желала Анне счастья.

Итак, с отборочным туром было покончено, одно-ко волнение никуда не делось. С тех пор как Агнешка Блеккуок произнесла имя нынешнего первого ми-

нистра, Ефимия не находила покоя. Ей снились кошмары. Снова и снова раздавался стук в дверь посреди ночи, снова и снова шестнадцатилетний Ролан отталкивал солдат от матери, снова и снова брат исчезал в кровавом тумане, которым неизменно заканчивался каждый сон. Иногда Ефимия видела отца. Эван Брок молчаливо стоял на пороге гостиной. Девушка пыталась подойти к нему, обнять, но морок мгновенно рассеивался, оставляя после себя кислый привкус во рту. И Ефимия не выдержала. Пользуясь тем, что графиня предоставила в ее полное распоряжение второй, двухместный экипаж и выдала немного денег «на булавки», она направилась в аптеку. Девушка с утра жаловалась на головную боль, выглядела не лучшим образом, все казалось невинным и естественным. Вот и Агнешка не стала задавать вопросов, когда ей доложили о поездке протее. А зря! Вместо порошков и капель Ефимия приобрела вытяжку наперстянки, разыграв перед аптекарем целый спектакль. В малых дозах она спасала от сердечных недугов, а в больших приводила к смерти.

Глава 5

Строгое сито отбора от графства Орой прошли четверо. Отчего-то Ефимия полагала, претенденток будет гораздо больше. Воистину, ей повезло попасть под колеса кареты нужной женщины! Пусть Агнешка не так проста, лелеет собственные планы, но она помогла ей попасть во дворец, а дальше... Дальше девушка пока не загадывала. Да и разве можно думать об отборе или первом министре, когда за окном мелькают виды столицы!

Поддавшись общему порыву, Ефимия прильнула к окну, пыталась понять, изменился ли Йент за время ее отсутствия. Наверное. Маленькая Эффи смутно запомнила столицу. Еще бы, ведь ее выезды ограничивались визитами к родственникам и редкими пикниками, на которых допускали детей. Она вошла в «салонный», как его называли, возраст, когда звезда отца стремительно закатилась, и свое первое бальное платье, скромное, как и все остальные новые наряды, примерила в доме графини Малжбетен. Та проявила особое участие к обездоленной вдове и опекала ее дочерей. Если бы не она, ни Ефимия, ни Анна не преуспели бы в светских премудростях, не научились языку веера и искусству беседы с благородными кавалерами.

Спутницы девушки: две баронессы и одна маркиза — не обращали на нее внимания и наперебой спорили, чей наряд для бала Открытия лучше. Ефимия слушала их вполуха и улыбалась. Портнихи графства Орой заведомо проигрывали столичным мастерицам, если высокородным соседкам хотелось затмить конкуренток, следовало обратиться к местным кудесницам. За себя Ефимия не волновалась. Подобранные Агнешкой платья сидели безупречно. Внешность играла на руку девушке, не требовала сложного кроя или избытка украшений. На фоне других претенденток она смотрелась чужеродно — единственная брюнетка среди блондинок. То ли император предпочитал светловолосых девушек, то ли комиссия руководствовалась старинным эталоном красоты: льняные локоны и голубые глаза. Только вот у маркизы они были карими, а у обеих баронесс и вовсе зелеными, но разного оттенка.

Однако вскоре Ефимии стало не до болтовни соседок. Они проезжали мимо дома ее бывшей лучшей

подруги. Интересно, где теперь Верити? Наверное, давно вышла замуж — дочь помощника военного министра не осталась бы старой девой. На мгновение промелькнуло и тут же пропало опасение. Исключено, не может Верити оказаться среди конкурсанток. Она ровесница Ефимии, значит, заведомо за бортом, не стоит бояться разоблачения. Все эти чванливые девицы никогда не видели ее и уж точно не помнили семейство Брок. Опять же Ефимии повезло, по лицу не скажешь, двадцать ей или чуточку больше. Ох, святой Верасий, в какую же авантюру она ввязалась!

Ефимия незаметно жала кулаки. Только не мимо бывшего дома! Обошлось, карета свернула. Копыта лошадей застучали по Горбатому мосту. Здесь пахло морем, раскинувшем свои объятия за небольшой горной грядой — естественной защитой столицы от нападения с воды. Слишком далеко, чтобы запах рыбы перебил аппетит, и достаточно близко, чтобы остатки легкого бриза дарили свежесть душистыми летними вечерами. Именно потому здесь селились многие знатные семейства.

Судя по всему, они направлялись в загородную императорскую резиденцию. Двор не жаловал Старый дворец, слишком мрачный и сырой. Во времена его постройки больше заботились о безопасности, нежели о комфорте. Долгие столетия императоры терпели неудобства, пока дед нынешнего монарха не затеял стройку Нового дворца неподалеку от Йента. Он подошел к делу с размахом, привлек к работе лучших живописцев, архитекторов и декораторов. Именно такой дворец представляли девочки, грезя о принцах. Из окна кареты кандидатки могли разглядеть только плотные зеленые изгороди, однако и длины подь-

ездной аллеи хватало, чтобы понять: впереди их ждет сказочное великолепие. Даже маркиза притихла, а ведь послушать ее еще пять минут назад, богаче их семейства нет в империи.

Аллея вела к двум широким корпусам в виде подковы, выходявшим на площадь с фонтаном. Карета притормозила и после коротких переговоров со стражей покатила дальше, во внутренний двор.

— Добро пожаловать!

Не успел экипаж остановиться, как лакей в шитой серебряным галуном темной ливрее проворно опустил подножку. Другой мужчина, тоже одетый в черное, с вензелем императорской семьи на груди, помог девушкам сойти на мостовую.

Огромный двор походил на каменный мешок — со всех сторон только стены. Выбраться отсюда можно было через парные арочные проезды, каждый из которых охраняли часовые. Острые шпили башен пронзали небо; солнце играло бликами в стеклах. Ефимия никогда не видела столько разных окон: узких, двойных, разделенных фигурными столбиками, а еще не думала, что камень может быть практически белым. Интересно, из чего возвели дворец?

— Добро пожаловать! — повторил мужчина в черном и представился: — Меня зовут Эммануэль Дидье. Я мажордом его величества. Мне поручено надзирать за отбором и обеспечить участниц всем необходимым.

— Очень приятно, — единственная из новоприбывших отозвалась Ефимия.

Она ощутила легкую неловкость из-за того, что, запрокинув голову, рассматривала стены дворца. Леди так не поступают, это невежливо по отношению к хозяину дома. В данном случае — к Эммануэлю. Од-

нако остальные претендентки, похоже, и вовсе считали ниже своего достоинства общение с человеком без титула. Девушка мысленно их пожалела. С такими умственными способностями на отборе далеко не продвинешься. Во-первых, на столь высокий пост по определению назначали только дворян. Во-вторых, мажордом — это не вилки-ложки носить, от него многое зависит. Например, настроение императора.

Эммануэль не обратил внимания на чужие пробы в воспитании. Ну или сделал вид. Ефимия не сомневалась: он и не такое в своей жизни повидал. Она осторожно наблюдала за ним, изучала. Опасный человек! Уже не молод, глаза умные, хитрые. С ним нужно быть настороже. Эммануэль вполне мог помнить генерала Брока, явно служил еще прошлому императору. И уж точно он встречался в дворцовых коридорах с Анжелой. Впервые Ефимия пожалела о своей броской внешности. Она Брок до кончиков ногтей, все фамильные черты в наличии. Тетка хотя бы не такая жгучая брюнетка и ростом пониже. Ох, как бы не понял! Но поздно, придется играть до конца и стараться пореже попадаться мажордому на глаза.

— Я провожу вас в крыло претенденток и коротко введу в курс дела, — невозмутимо продолжил Эммануэль и попросил следовать за ним.

Ефимия едва не совершила фатальную ошибку, поинтересовавшись: «А как же вещи?» В мире аристократов все иначе, не стоит заботиться о чемоданах.

Вопреки ожиданиям, мажордом направился не к центральному входу, а свернул к левому боковому крыльцу. Девушки зароптали, маркиза даже намекнула на неподобающий прием:

— Мы не слуги, а лучшие девушки графства!

— Безусловно, — пряча саркастическую улыбку, учтиво согласился Эммануэль, — именно поэтому вам выделили особые покои, целое дворцовое крыло, где вам никто не помешает.

«Или вы никому не мешаете», — Ефимия мысленно озвучила читавшееся между строк. Странно, конечно, зачем затевать отбор, если тяготишься потенциальными невестами. Оставалось надеяться, что претенденток не запрет по комнатам, иначе придется срочно менять планы.

Однако стоило кандидаткам переступить порог, как волнение сменилось приглушенными вздохами восхищения. Дворец надлежало бы назвать Бело-снежным — внутри преобладал именно этот цвет. По украшенной медальонами мраморной лестнице, слишком широкой для второстепенной, девушки поднялись на второй этаж. Оттуда через галерею с зимним садом они попали в крыло, образовавшее одну из боковых граней следующего внутреннего двора.

— Покои претенденток. — Эммануэль указал на запертые двери, возле которых, словно часовые, вытянулись во фронт лакеи.

Ефимия нахмурилась. Выходит, участниц превратили в птичек в клетке. Пусть себе прихорашиваются, щебечут и радуют глаз в установленные часы.

— Простите, — обратилась она к мажордому, — правильно ли я поняла, что нам запрещено свободно передвигаться по дворцу?

Спрятанная на груди бутылочка с наперстянкой обжигала, кожа под ней чесалась. Казалось, будто пробка потерялась, и часть содержимого затекла под лиф, но Ефимия понимала: это всего лишь нервы.

— Отчего же, — удивленно глянул на нее Эммануэль. На мгновение девушка пожалела о своем вопросе, испугавшись узнавания, но обошлось. — Вы ни в чем не ограничены, миледи. Хотя, право, я не знаю, что вам может понадобиться.

То есть прямого запрета нет. Уже хорошо.

— Я люблю гулять перед сном, — взмахнула ресницами Ефимия, старательно пряча свою радость. — Так, немного пройтись по парку. Заверяю, я буду осторожна и никого не потревожу.

— Можете гулять, сколько вам вздумается, миледи, — милостиво разрешил Эммануэль.

Остальные девушки многозначительно переглянулись. Наверняка решили, будто Ефимия рассчитывает подкараулить императора.

Распахнув двустворчатые двери, мажордом провел их в большой зал, напоминавший гаремный дворик из романов. Декораторы постарались максимально точно воспроизвести заморский декор, не поскупились даже на маленький фонтан. Струя воды вытекала из мраморной раковины и через другую, большую по диаметру, уходила обратно в трубу. Рядом поставили кадку с карликовой пальмой.

— Зал одалисок. — Эммануэль обвел рукой экзотическое помещение. — Место общего сбора участниц отбора. Здесь же объявляются имена выбывших кандидаток. В соответствии с расписанием, — мажордом зашелестел извлеченным из внутреннего кармана листом бумаги, — вы должны появляться в зале утром и вечером, в девять и в шесть часов соответственно.

— Зачем? — подала голос одна из зеленоглазых баронесс. — Разве каждый день станут отсылать по две девушки?

— Понятия не имею, миледи. Я всего лишь отвечаю за ваш комфорт.

Ефимия понимала: мужчина лукавит. Все Эммануэль прекрасно знал, но специально притворялся обычным исполнителем. Наверняка и оделся как обычный слуга, для того чтобы понаблюдать за девушками и поделиться выводами с императором. Явись мажордом в парадном камзоле, участницы принялись бы жеманничать, стремились выставить себя в лучшем свете.

— А кто проводит отбор? Неужели сам император? Или, может, первый министр? — не унималась баронесса.

— Со временем узнаете.

Эммануэль оказался тем еще лисом, мастером уклончивых ответов. Выходит, первоначальные выводы верны, и он не столько заботился об их комфорте, сколько наблюдал.

— А теперь, уважаемые леди, я готов выслушать ваши пожелания и по возможности их выполню.

Пока остальные девушки подробно перечисляли свои требования, а мажордом их тщательно записывал, Ефимия отошла в сторонку. Какая разница, яблоки или груши подадут на завтрак, ей подойдет и то и другое.

Мозаичные панно на стенах чередовались со шкафами, наполненными разного рода диковинками. Ефимия рассмотрела каждую вазу, каждую статуэтку, не подозревая, что за ней следят. Не снизу — сверху. Как у любого, пусть даже стилизованного, восточного парадного помещения, у Зала одалисок имелся секрет: второй этаж. Попасть туда можно было из крохотной каморки без окон. Четырнадцать ступеней, и ты беспрепятственно наблюдаешь с узкого балкона за тем, что творится внизу.

За выступом полуколонны притаился мужчина лет сорока. Разделенные косым пробором каштановые волосы были чуть короче с одной стороны и длиннее, прикрывая мочку уха, с другой. Глаза цвета предрасветного неба пристально следили за мажордомом и за претендентками из графства Орой: Ленар Горзен, граф Митас, не привык упускать ни единой детали. Однако сейчас он оделся так, чтобы никто не заподозрил в нем первого министра. Черный — беспроегрышный цвет. В нем тебя принимают за слугу и не замечают. Впрочем, лицо Ленара не вязалось с выбранным образом. Слишком много властности в острой линии подбородка, слишком много силы в тонких, но одновременно чувственных губах. Высокие скулы, едва тронутая загаром кожа и утонченные, вытянутые пропорции тела выдавали аристократа. Но черный на то и черный, что не станешь рассматривать выбравшего его человека.

Императорский дворец — нечто большее, чем просто набор комнат. На самом деле их и вовсе два. Второй прячется внутри первого, опутывает залы потайными ходами, секретными комнатами. Претенденткам на руку монарха предстояло выдержать гораздо больше испытаний, нежели они полагали. Ленар, как никто другой, знал, что только наедине с собой человек сбрасывает маску. Он намеревался заглянуть в душу каждой девушки.

— А вы, миледи?

Ефимия вздрогнула, не сразу сообразив, что обращаются к ней. Палец замер на выпуклости керамической плитки. Какой яркий мак! Красный как... кровь.

— Она какая-то деревенщина! — не удосужившись перейти на шепот, отпустила едкий комментарий маркиза. — Еще и без титула, всего лишь Феррир.

Молчать Ефимия не собиралась:

— Все мы когда-то были «всего лишь». Ваши предки тоже не родились с серебряной ложкой во рту.

— Род Торней насчитывает двенадцать поколений, — высокомерно заметила маркиза.

Обе баронессы притихли, с интересом наблюдая за перепалкой. Мажордом пока не вмешивался. Складывалось впечатление, что Ефимия, сама того не желая, участвовала в первом испытании.

— Всего двенадцать? — усмехнулась она, с удовольствием нанеся удар оружием соперницы. — В моем их четырнадцать.

— Боюсь, вам это не поможет, — не желая признавать поражение, пробурчала маркиза. — Император не опустится до бесприданницы, он выберет девушку из хорошей семьи.

Ефимия невозмутимо пожала плечами:

— Каждая из нас способна стать первой дамой империи.

Соперница испепелила ее взглядом и, отвернувшись, попросила Эммануэля:

— Если это возможно, поселите ее как можно дальше от меня.

— Конечно возможно, — эхом разнесся по Залу одалисок голос сверху. — Причем так далеко, что вы больше никогда не встретитесь.

Ленар вышел из тени полуколонны и оперся ладонями об оградительный барьер. Точно так же с балкона взирал бы на подданных император: идеально прямая спина, нестигаемая воля в глазах, нескончаемая уверенность в каждом жесте. Неудивительно, что девушки взволнованно зашептались: «Его величество!» Все, кроме Ефимии.

Память — занятная штука. Мы можем забыть имена предков, но до смерти не расстанемся с мимолетным запахом духов. Ефимия Брок и Ленар Горзен виделись лишь однажды, но у девушки не возникло и тени сомнений, кто перед ней.

Тот день у Ефимии ассоциировался с запахом пролитого чая на пальцах. Стоило недавно назначенному первому министру войти, он наполнился полынной горечью.

Соболезнования Ленара резали слух. Ложь от первого до последнего слова! Как у него хватило наглости открыть рот?! Всем известно, благодаря кому мертв генерал Брок и его сыновья. Близким даже не позволили попрощаться с ними, на следующий день после трагической попытки освобождения отправили в ссылку.

Почему Ленар не уродлив? Душа обязана накладывать отпечаток на тело. Где бородавки, глаза-бусинки, заплывшее жиром тело? Ефимия старалась, но не находила в первом министре изъянов. Слишком красивый, слишком притягательный для врага.

Девушка порадовалась, что Ленар высоко и не заметил смятения чувств в ее глазах. Сверху она казалась такой же чуточку смущенной и воодушевленной, как остальные. На самом деле в ушах стоял шум, Ефимия смутно понимала, что происходит. Кажется, маркизе не повезло. Спесь и длинный язык отправляли красотку домой. Ленар недвусмысленно намекнул, что высокомерие среди конкурсанток не поощряется.

— Во дворец прислали лучших. Здесь нет случайных девушек, все они избранные, равные. Эммануэль, — мажордом почтительно склонил голову в ожидании указаний, — пожалуйста, распорядитесь, чтобы

завтра утром девушку отправили домой. Чванливой аристократке никогда не стать императрицей.

— Но, ваше величество... — опешила маркиза и с мольбой обернулась к Эммануэлю.

Тот и не думал ей помогать, замер каменной статуей.

— Ваше величество неправильно все поняли! — Девушка отчаянно пыталась остаться во дворце. Запрокинув голову, она присела в реверансе и нацепила на лицо виноватую улыбку. — Мы всего лишь обсуждали родословные друг друга. Я ни в коей мере...

— Я все прекрасно понял, — оборвал ее Ленар и озвучил окончательный приговор: — Готовьтесь к отъезду, миледи. В отборе вы больше не участвуете.

Второй этаж опустел — первый министр скрылся за потайной дверью.

Опозоренная маркиза в досаде кусала губы. Спутницы искоса поглядывали на нее, но не решались открыто торжествовать: вдруг им тоже прикажут паковать вещи?

— Такое случается, — флегматично прокомментировал мажордом. — Отбор — дело серьезное, а его сиятельство — глаза и уши его величества.

— Так это был не император? — разочарованно ахнули претендентки.

Больше всех расстроилась маркиза. Еще бы, унижалась, строила глазки — и не Вардену.

Ефимия отвернулась, пряча презрительную ухмылку. На что надеялись эти курицы, если спутали монарха с министром? Остальные наверняка подготовились, изучили распорядок дня его величества, подкупили слуг, чтобы оказаться рядом с Варденом во время прогулок.